

Петр Зеленка считает, что враг внутри тебя

Искусству требуется хаос

ПОЗИЦИЯ

Остап КАРМОДИ

На Московском кинофестивале фильм пражского режиссера Петра Зеленки «Хроники обычного безумия» получил приз гильдии кинокритиков и безусловные симпатии зрителей. Корреспондент «МН» встретился с Зеленкой в Праге, чтобы узнать, что тот думает о своем успехе и восточноевропейском кино, стремительно набирающем популярность.

— Многие критики писали, что ваш фильм был лучшим в конкурсной программе. Но главный приз ему не достался. Не обидно? — Я и не ждал никакого приза. Я был членом жюри кинофестиваля в Словакии, так что помню, как мы решали, кто будет победителем. Это рулетка. В жюри встречаются люди со всего мира, у каждого свои вкусы. Обычно получается среднее арифметическое. Плюс многое зависит от того, кто из жюри лучший оратор и может уговорить остальных.

Главное, чтобы денег не было слишком много

— Ваш фильм называется «Хроники обычного безумия». Вам не кажется, что обыкновенное сумасшествие характерно для всего чешского кино, от Формана и Хитиловой в 60-х до вас и Хржебейки.

— Это не удивительно. Для чешского кино и центрально-европейского кино в целом характерна тема битвы маленького человека с судьбой и с самим собой. В Америке герой, наоборот, воюет с внешними врагами или с истеблишментом. Здесь же мы сами являемся частью истеблишмента, поэтому мы сами себе враги.

— В Центральной Европе нет расстояния между государством и человеком?

— Думаю, нет. Государству никто не верит, но тем не менее мы чувствуем, что все это сделали мы, так, как мы этого хотели. Сделали глупо, но что поделаешь...

— Вам не нравится то, что получи-

лось после «бархатной» революции?

— По-моему, мы обделались. Государство не работает, парламент не способен принимать законы. Люди во власти ни за что не несут никакой моральной ответственности. Мне кажется, что нужна какая-то новая революция, но я не знаю, какая. Раньше все казалось простым: свергнем коммунизм и заживем. Что делать теперь — непонятно. Может быть, нужна финансовая революция. В одной из провинций Германии люди отказались платить налоги государству, потому что им не нравилось, как оно их расходует. И в этом регионе государству пришлось поменять финансовую политику. Государство не интересуется тем, что думают люди, и реагирует только на прямое действие.

— Вы снимаете фильмы, чтобы что-то изменить?

— Я не верю, что фильм может что-то изменить ни социально, ни политически. Я снимаю фильмы, чтобы пара человек о чем-то задумалась. Фильм может повлиять максимум на один-два процента населения. Что в целом неплохо. Тем

более что последние пару лет зрители хотят лишь развлекаться. В этом виноваты, в частности, телесериалы, которые очень снижают культурную планку. Мне кажется, чем дальше, тем культура становится примитивнее.

— Вы чувствуете себя частью чешской кинематографической традиции?

— Пожалуй, нет. Но если называть тех, кто на меня повлиял, это будут Форман, Менцель, Кахина, хотя не могу сказать, что продолжаю их дело. С современными чешскими режиссерами я не чувствую никакого родства.

— Сейчас говорят о ренессансе чешского кино. Как это выглядит изнутри?

— По-моему, ренессанс чешского кино был в середине — конце 90-х, когда Свержак выиграл Оскара и наши фильмы вообще получали много призов.

— Почему ренессанс чешского кино случился именно в 90-е?

— Когда в 90-х развалилась система государственного кино, наступил здоровый хаос. Искусству всегда помогает хаос. Кроме того, телевидение финансировало фильмы, но перестало их контролировать. Главное, чтобы денег не было слишком много — тогда начинается контроль со стороны продюсеров. Фильм не должен стоить дороже трех миллионов. Правда, сейчас государство вообще не дает денег на кино. Можно получить что-то от французов или от ЕС, но это не решение. Какие-нибудь немцы дают тебе деньги при условии, что ты потратишь их, например, во Франкфурте. Или немецкий посредник забирает себе сорок процентов. В любом случае этих денег обычно недостаточно, чтобы ради них идти на уступки.

— Что главное в чешском кино?

— Любовь к деталям, юмор, сатира. Хотя я встречался с этим и в Азии. Еще медленный ритм — чехи не умеют делать ритмические фильмы.

— Какое поколение режиссеров идет после вас?

— Никакого, и это очень интересный вопрос. Я думаю, что нынешние режиссеры воспитаны на рекламе и не готовы инвестировать в фильм много времени и энергии. Фильм — это минимум год работы и три года подготовки. А они привыкли снимать короткие вещи. Кажется, что компьютерные технологии сильно ускорили работу, но на самом деле все только усложняется.

— Существует ли понятие «восточноевропейское кино»?

— По-моему, нет. Например, югославы, которые недавно пережили войну, снимают совсем не такое кино, как мы. Русские — еще один народ, который пережил экстрим, — тоже снимают свое кино, жесткое, в котором речь идет о базовых вещах. Мне это нравится. Разве что поляки такие же размякшие, как и мы. О болгарском и румынском кино я вообще ничего не слышал. Не очень хорошо знаю венгерское кино, из новых фильмов видел только «Икоту». Но вообще венгры абсолютно безумны. Есть, например, такой режиссер Белла Тар, у которого фильмы идут по шесть часов. Он вообще ни на что не оглядывается, в том числе и на зрителя. Венгры могут себе это позволить, у них государство дает режиссерам очень большие дотации. Поэтому с венграми невозможно работать. На любое предложение они отвечают: «Да нет, у меня уже есть финансирование, я лучше сам сделаю».

— Вы говорили, что хотите снять совместный фильм с Россией. Почему?

— Главный герой моего следующего сценария — русский. Но на самом деле я ввел его, чтобы иметь возможность вставить в фильм русскую музыку — я очень ее люблю.

Кадр из фильма «Хроники обычного безумия»